

Е. В. Харитоновна <https://orcid.org/0000-0002-3633-9183>

Трансляция менталитета в условиях транзитивного общества

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00390

Для цитирования: Харитоновна Е. В. Трансляция менталитета в условиях транзитивного общества // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 121-128. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-121-128

В статье рассматриваются особенности трансляции менталитета посредством языка в трансформирующемся обществе. Раскрывается представление о транзитивном обществе, психологии транзитивности. Показано, что транзитивное общество оказывает влияние на социальные представления и ценности, определяет установки и цели. Особое внимание уделяется взаимодействию языка и менталитета в условиях глобализации, когда происходит увеличение изменений в языке, в том числе в интернет-языке. Язык народа выступает одним из главных механизмов трансляции менталитета, посредством языка формируется особое национальное мышление. В многочисленных исследованиях показано, что транзитивность общества, сопровождаемая влиянием высоких технологий, информатизацией, виртуализацией, оказывает свое трансформирующее воздействие и на менталитет в целом.

В истории России коренные преобразования общества, связанные с революцией 1917 г., детерминировали и изменения в языке в послереволюционный период, которые проявились в увеличении в языке числа жаргонизмов, сокращений слов, введении иностранных заимствований. В работах ученых тех лет анализировались особенности влияния иностранных заимствований на сознание людей и менталитет в целом. Исследованию этих процессов уделяли внимание В. М. Бехтерев, Н. С. Трубецкой, А. М. Селищев, А. А. Потеня и др. Избыточные изменения в языке могут составлять угрозу национальному менталитету в связи с их влиянием на традиционные ценности, их разрушение и внедрение новых ценностей глобализационного мира. Обозначена роль СМИ как носителя нового языка и как инструмента воздействия на массовое сознание. Наиболее интенсивно манипулирование массами посредством языковых воздействий возрастает в нестабильные, переходные периоды развития общества.

Ключевые слова: менталитет, язык, транзитивное общество, ценности, традиции, заимствования в языке, глобализация, глобальные риски.

E. V. Kharitonova

Translation of the mentality in a transitive society

The article deals with the peculiarities of translating mentality through language in a transforming society. The article reveals the idea of a transitive society and the psychology of transitivity. It is shown that a transitive society influences social representations and values, determines attitudes and goals. Particular attention is paid to the interaction of language and mentality in the context of globalization, when there is an increase in changes in language, including in the Internet language. The language of the people is one of the main mechanisms for transmitting the mentality, through which a special national way of thinking is formed. Numerous studies have shown that the transitivity of society, accompanied by the influence of high technologies, informatization, and virtualization, has a transformative effect on the mentality as a whole.

In the history of Russia, the fundamental transformations of society associated with the revolution of 1917 also determined changes in the language in the post-revolutionary period, which were manifested in the increase in the number of jargon, abbreviations of words, and the introduction of foreign borrowings into the language. In the works of scientists of those years, the peculiarities of the influence of foreign borrowings on people's consciousness and mentality in general were analyzed. V. M. Bekhterev, N. S. Trubetskoy, A. M. Selishchev, A. A. Potebnya and others paid attention to the study of these processes. Excessive changes in language can pose a threat to the national mentality due to their impact on traditional values, their destruction and the introduction of new values in a globalized world. The role of the media as a native speaker of a new language and as a tool for influencing mass consciousness is outlined. The most intensive manipulation of the masses through language influences increases in unstable, transitional periods of society development.

Keywords: mentality, language, transitive society, values, traditions, borrowings in language, globalization, global risks.

В истории российского общества периоды активных преобразований и кризисов случались многократно, современную ситуацию во всех сферах жизни общества определяют глобализационные процессы, возникшие в экономических отношениях в начале своего распространения, а затем, благодаря новым информационным технологиям, охватившие всю жизнедеятельность человека. «Практически ни одно современное государство не свободно от влияния глобальных процессов и не может считать себя закрытой и/или самодостаточной системой. Неуклонно растет и усиливается влияние крупных транснациональных корпораций на национальные экономики, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем, изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются многие мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы» [Психологические исследования ... , 2018, с. 8].

Назвать актуальное социальное состояние российского общества стабильным и предсказуемым, особенно в условиях пандемии коронавирусной инфекции, тем более невозможно. Именно для обозначения такого нестабильного, неопределенного состояния в обществе в социально-гуманитарных науках стало широко распространяться понятие «транзитивное общество». Само понятие «транзитивность» образовано от латинского корня *transitivus* (переходный) и трактуется как прохождение, переход [Ожегов]. В связи с этим происходящее в последние годы понимается как состояние общества, в котором «...человечество находится в транзитном состоянии, не имея четкого видения своего будущего; не сформированы целевые установки развития, философия и смысл жизни, система духовно-нравственных ценностей» [Россия в XXI в ... , 2012, с. 5].

Важным фактором транзитивности выступает отношение ко времени и его влияние на жизнь каждого человека и общество в целом: «Время – важнейший фактор переходного периода. Происходящее сегодня в мире непрерывное ускорение и уплотнение (сжатие) времени развития новых инженерных и социальных технологий есть важнейшее условие выживания как человека мыслящего, так и любых человеческих общностей. Дело здесь не просто в непрерывном ускорении нашей жизни, а в необходимости постоянно его согласовывать с темпоритами большой «социальной машины», именуемой общественной жизнью» [Яницкий, 2019, с. 190].

В психологии предлагается свой подход к анализу транзитивности общества: «...уточнить собственно психологическое содержание понятия *транзитивность*», которое вбирает в себя как социальные трансформации, так и изменчивость социальных представлений и ценностей, и неопределенность норм и установок... Сложность в определении психологических характеристик транзитивности связана с тем, что транзитивное общество по определению является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках – философии, культурологии, социологии, психологии» [Марцинковская, 2015]. Транзитивность рассматривается в контексте социализации личности [Дубовская, 2014], в контексте трансформации ценностей поколений [Гусельцева, 2017], анализируется повседневность в транзитивном обществе [Хузеева, 2019], исследуется связь между представлениями о языке и культуре в транзитивном обществе [Марцинковская, 2018].

Полагаем, что транзитивность общества, сопровождаемая влиянием высоких технологий, информатизацией, виртуализацией, оказывает свое трансформирующее воздействие и на менталитет. Менталитет народа формируется исторически и является устойчивым образованием: «В менталитете воплощается совокупность корневых психологических черт народа, характеризующих его своеобразие, особенности его национального характера, мировосприятия... Менталитет выступает тем верховным определителем, которым обусловлены традиционные для народа формы человеческого сознания и поведения, восприятия и отношения к разным социальным явлениям» [Кольцова, 2017, с. 8]. Однако массивные воздействия на социокультурные традиционные ценности, нормы и стандарты, влияние «электронного пространства» и его широкое распространение, особенно в молодежной среде, безусловно, оказывает свое воздействие и на ментальные структуры. Одной из значимых характеристик менталитета является язык, который выступает этнофункциональной ценностью, служит целям трансляции менталитета посредством передачи «музыки» языка, содержащей не только лексический компонент, но и связанный со звуком, ритмом. Подобный ритм языка начинает формироваться в раннем детстве, когда ребенок слышит колыбельные, сказки, речь окружающих его людей, еще не в полной мере осознавая смысл сказанного, но мы предполагаем, что формирование менталитета посредством языка заключается именно в неосознаваемом включении в те ментальные сферы,

которые функционируют на грани между сознанием и бессознательным.

Русские мыслители в связи с этим уделяли большое внимание русскому языку как фактору сохранения и укрепления национальной самобытности: «Усвоение народного языка есть усвоение народной души, духовное приобщение себя к тому великому целому, которое называется известным народом и говорит на известном языке; усвоить народный язык – значит усвоить народную культуру, приобретенные народом знания, а вместе и народный способ мышления, намеченные в языке руководящие точки зрения на весь Божий мир» [Каптерев, 1982, с. 107]. П. Ф. Каптерев – русский педагог, психолог, также утверждал, что русский язык – это «сокровищница, в которую народ в течение веков складывает свои духовные богатства, свои духовные приобретения» [Каптерев, 1982, с. 106].

Основоположник классического анархизма, русский философ, видный общественный деятель П. А. Кропоткин, рассматривая проблему соотношения национального и общечеловеческого, выделял значимость и ценность родного языка, при этом подчеркивая уникальность и богатство русского языка: «...словесное богатство русского языка поразительно, тогда как в языках Западной Европы часто имеется одно только слово для выражения известного понятия, в русском языке имеется два, три или четыре слова для выражения различных оттенков того же понятия. Русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств – нежности и любви, скорби и веселья, а также различных степеней того же самого действия» [Кропоткин, 2003, с. 8].

Впервые тесную взаимосвязь национального способа мышления и языка в научном контексте обозначил лингвист В. фон Гумбольдт: «...различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия»; язык – это «промежуточный мир», который связывает мышление и действительность, язык при этом отражает особое национальное мировоззрение [Гумбольдт, 1985, с. 324]. «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт, 1985, с. 78].

Современные когнитивные лингвисты рассматривают язык как инструмент формирования языкового сознания, в котором, в свою очередь, отражается весь окружающий мир, действительность, интерпретированная в сознании человека с

помощью родного языка. Естественный язык любого народа является носителем традиций, ценностей, культуры в более широком смысле, а совокупность этих образований и представляет собой менталитет. Именно поэтому язык можно считать одним из главных трансляторов менталитета, проводников менталитета, который в большей степени передается вербальными средствами. «Менталитет скрывается в поведении, оценках, манере мыслить и говорить. Выучить и подделать его нельзя, можно лишь “впитать” вместе с тем языком, который вмещает в себя мировоззрение и коды данной культуры» [Хроленко, 2004, с. 43].

Можно представить язык как зеркало, в котором отражаются не только реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Соответственно, изменения в языке, особенно внедряемые специально организованными технологиями, в свою очередь, расшатывают ментальные характеристики, влияют на традиционные ценности, способствуют трансформации менталитета. Особенно усиленные воздействия на язык проявляются в условиях изменяющегося общества, для России революционные события 1917 г. стали переломными, в том числе и по количеству изменений в языковом сознании народа.

Изучению закономерностей функционирования языка в обществе в 20-е гг. XX в. были посвящены работы В. М. Бехтерева, А. А. Богданова, П. А. Флоренского, В. В. Розанова, Н. С. Трубецкого, А. А. Потебни, А. М. Селищева, А. Л. Погодина, Н. А. Марковского и многих других. В это же время обосновал свою социолингвистическую концепцию Е. Д. Поливанов, который отмечал существование взаимосвязи языковой эволюции и социальных изменений. Рассматривая задачу изучения процессов, происходивших в русском языке после 1917 г., как одну из актуальных задач отечественного языкознания, он подчеркивал, что для понимания этих процессов необходимо учение «о механизме языковой эволюции» [Поливанов, 1931, с. 25].

Трубецкой полагает, что появление новых явлений в языке свидетельствует о зарождении новых тенденций в социальных контактах. Как структурный элемент социального организма язык, по его мнению, содержит матрицы символических (смысловых, ценностных) интерпретаций. «Язык проводит границы между “своим” и “чужим”, “возможным” и “доступным”. Сдвинуть эту

границу – значит изменить “символическую” антропогеографическую зону, обеспечивающую самобытность данного общества» [Трубецкой, 1997, с. 192].

Изменение в языке относятся, по Бехтереву, к «совокупности методов целенаправленной обработки масс» [Бехтерев, 1994, с. 105]. Особенно манипулирование массами посредством языковых воздействий возрастает в переходные периоды. Это связано с тем, что язык может оказывать «социально-адаптирующее влияние на изменение настроений путем переноса (проецирования) “чужого” содержания в иную смысловую сферу, в чужое социальное поле» [Трубецкой, 1997, с. 187]. В результате возникают «ценностные проекции», с помощью которых можно влиять на убеждения людей и их поведение, так переводят «чужое» в «свое». Эти процессы, с точки зрения Н. С. Трубецкого, выражены, прежде всего, через терминологические заимствования.

Безусловно, заимствования в разном объеме присутствуют в лексиконе любого языка. Это один из основных и универсальных способов пополнения словарного состава. Но в отдельные исторические периоды такие заимствования становятся избыточными, что, в свою очередь, вызывает утрату смысла слов и оказывает фрустрирующее воздействие на человека.

Проблема заимствования в русский язык, активно обсуждалась в послереволюционные годы в России, хотя становление нового социального строя сопровождалось многими изменениями в лексике. К ним относятся и распространение существительных с фамильярно-пренебрежительным суффиксом -к-, например, *столовка, читалка, экономичка (газета «Экономическая жизнь»);* и распространение сокращений (*Чеквапан – Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей, Тверодежда – одежда тверского производства*); распространение и внедрение в язык жаргонизмов; и распространение заимствованных слов (*пленум, ультиматум, игнорировать, регулярно, персонально, инициатива*), и другие изменения. Но именно заимствования могут как обогащать язык и опыт народа, так и приводить к тому, «что значение некоторых слов воспринимается носителями языка как агрессивное, угрожающее, дезориентирующее» [Потебня, 1989, с. 201].

Особенностью процессов заимствования является внедрение в речевую практику строго определенного лексикона, связанного с означиванием не реального, а желаемого опыта. По мнению Потебни, задача такой стратегии «исподволь людей

приучать к ключевым словам и словосочетаниям иной враждебной социальной общности, сделать “нестрашными” и неопасными те из них, которые фактически заключают в себе угрозу целостности данного общества и его культуры» [Потебня, 1989, с. 201].

Выражает свое отношение к избыточному употреблению заимствованных слов представитель школы Потебни филолог-славист А. Л. Погодин: «Удовлетвориться словами, лишенными образности, может человек, не нуждающийся в выражении своего настроения, своего особого понимания вещей...» [Погодин, 2010, с. 323].

Наблюдая и анализируя изменения в языке в период с 1917-1926 гг., А. М. Селищев большое внимание уделяет иноязычным элементам, которые активно употреблялись в то время и в устной и в письменной речи. «Манера испещрять речь такими терминами очень широко распространена среди коммунистических деятелей» [Селищев, 2010, с. 54]. При этом автор неоднократно подчеркивает, что такие слова непонятны слушателям, вызывают резкие протесты у рабочих и крестьян, но и «протесты со стороны тех деятелей, которые не утратили чутья норм общерусского, литературного языка. Манерные отступления от этих норм или неумелое пользование языком – это то же в культурно-общественной жизни, что *уклоны* в партийной жизни» [Селищев, 2010, с. 59]. В своей книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком. (1917-1926)» А. М. Селищев приводит многочисленные примеры из газет, журналов, документов тех лет, где представлены заимствования, а также отношение к ним, часто выражаемое в стихотворной форме. Например, по поводу использования иноязычных терминов в разделах газет, которые посвящены деревне, поэт Незнамов написал:

Ведь там, о, словесный лес!

О, буераки и кочки!

И «синтез» зачем-то влез

И «вотум» повис на строчке.

[Селищев, 2010, с. 55].

В наше время филологи, анализируя актуальную ситуацию заимствований в русском языке, так же солидарны со взглядами предшественников. «Достаточно часто англоамериканизмы используются с целью манипулирования сознанием народных масс, сокрытия негативных явлений социальной действительности» [Бернацкая, 2009, с. 65]. Так, например, от частого повторения слова «коррупция» его отрицательное значение нивелируется и начинает звучать обыденно, теряет свое

смысловое содержание. Но если сказать по-русски «продажный чиновник», то это вернет к сути происходящих вещей. Так же непонятно и не угрожающе для большинства звучит слово «секвестр», при этом «уменьшение или обрезание бюджета» всем понятно и вызывает совсем иные чувства [Бернацкая, 2009].

Современная тяга к заимствованиям обусловлена, с одной стороны, действительно потребностями в корне изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологических ориентиров), с другой – американоманией, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы. Именно поэтому, на наш взгляд, проблема заимствований не только лингвистическая и должна рассматриваться и анализироваться в социально-культурном ракурсе. «Пространство России пока еще объединяют русский язык и русская культура. Но их уязвимость перед вызовами глобализации заставляет задуматься: надолго ли сохранится устойчивость этого последнего оплота?» [Психологические исследования... , 2018, с. 346].

Значимую угрозу для русского языка представляют цифровизация и виртуализация, при этом язык интернета имеет свои ярко выраженные особенности: с учетом скорости его распространения, увеличения количества пользователей, их возраста и времени, которое они проводят в сети, можно с уверенностью заключить о существенном влиянии, которое интернет оказывает на язык и в целом на трансформацию менталитета. Самыми заметными особенностями влияния интернета можно считать следующие:

1. Упрощение языка в сети, например лауреат самой популярной интернет-премии «Webby Awards» должен уместить благодарственную речь всего в пять слов.

2. Кроме упрощения языка, заметна тенденция к его искажению, разрушению норм правописания, причем, если изначально это делалось сознательно, вводился так называемый «олбанский язык», то сегодня этот язык широко используется молодежью и вне сети, в нем большое количество заимствований, связанных с терминологией компьютерной техники, но присутствуют и другие, например, *капсить, лайк, чмоки, ИМХО, АПВС* и т. д.

3. Выражение эмоций в языке интернета заменили «путем введения в виртуальную среду частично типизированных эмоциональных реакций – “смайликов” или “эмодзи”, которые широко

распространились повсеместно и даже вышли за пределы сети Интернет» [Тюленева, 2018, с. 21].

Более 80 % текстов в интернете написаны на английском языке, что вносит в язык большое количество бессмысленных калек с английского, понижая статус национального языка. «Подобное неконтролируемое проникновение иностранных слов в русский язык может привести как к адекватному привнесению необходимой для современной коммуникации лексики, так и к возникновению экзотизмов, жаргонизмов и иной неоправданной лексики, которая зачастую просто засоряет нашу речь [Тюленева, 2018, с. 25].

Продолжая идею о использовании заимствований с точки зрения манипуляции сознанием, можно отметить, что словарный запас хорошо образованного человека значительно превосходит соответствующий словарный запас человека с недостаточным образованием, поэтому образованный человек, опираясь на контекст и ситуацию, может с некоторой вероятностью определить если не точное значение, то хотя бы тематическую соответственность заимствованного слова. В противном случае, многие просто не понимают значения слов, например, «лизинг», «клининг», «франшиза» и т. п. Можно отметить, что в последнее время наблюдается усиление «агрессивности» в российской коммуникативной практике, когда складывается впечатление, что адресант, выбирая языковые средства для передачи информации, совершенно не задумывается, как они будут восприняты адресатом. Употребление языковых единиц без их понимания опасно тем, что нарушается сама онтологическая основа языка как знаковой системы. Только в системе знак выполняет свое назначение служить средством получения, фиксации, хранения и передачи информации о мире, иначе языковой знак деградирует до знака-сигнала [Бернацкая, 2009].

Массовое употребление непонятных или наполовину понятных заимствованных слов, чуждых строю родного языка, может привести к кризису культурной идентичности, так как нарушает трансляцию культурно-исторического опыта, ведет к изменению ценностей и идеалов и является одним из глобальных рисков для общества. «Психологический парадокс глобальных рисков состоит в том, что мы долгое время недооцениваем их вероятность и последствия, но достаточно одного прецедента, чтобы бездействие сменилось избыточной реакцией и неэффективным растрачиванием ресурсов» [Нестик, 2018, с. 19].

Таким образом, к изменениям в языке относятся основные психологические особенности, при-

сущие глобальным рискам: во-первых, они не осознаются в полной мере в повседневной жизни. Исследования свидетельствуют о том, что редкость или отсутствие тех или иных событий в личном опыте приводит к недооценке их вероятности [Macdonald, 2007].

Во-вторых, последствия этих рисков кажутся очень отсроченными во времени. В-третьих, иллюзия отдаленности и маловероятности глобальных рисков в массовом сознании провоцирует активистов и СМИ на использование алармистского подхода, то есть на целенаправленное нагнетание коллективной тревоги [Нестик, 2018].

Ускорение информационных потоков, увеличение количества разнообразных ситуаций, в которые попадает человек в единицу времени, приводит, в свою очередь, к увеличению числа ролей для человека, количества его выборов, требует большего внимания, увеличивает временную занятость в целом, повышает субъективное чувство усиления сложности жизни. В этой ситуации воздействие массовой культуры и СМИ на человека значительно возрастает. «В настоящее время СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности. Телевизор и интернет стали для современного человека практически основными источниками информации, познания окружающей действительности [Массовое сознание ... , 2017, с. 298].

Роль и воздействие СМИ рассматривает в своем аналитическом обзоре Маккуайл, говоря о получении знаний, формировании социальных норм поведения, влиянии на культурную адаптацию в обществе. СМИ формируют ценностные отношения людей к событиям повседневной жизни, в том числе и к ситуациям массового протестного поведения. Они являются источником идей, изменяют наши ценностные установки, дают нам «правильное» понимание того, что собой представляет современный мир и как нам следует вести себя. Ни для кого не секрет, что подобное влияние во многом базируется на технологиях воздействия на массовое сознание и поведение людей для реализации глобальных интересов основных субъектов исторического процесса [Массовое сознание ... , 2017, с. 253].

Изменения в языке, транслируемые в СМИ и массовой культуре, могут представлять, таким образом, угрозу цивилизационной безопасности России с точки зрения воздействия на традиционный менталитет. В работе «Пропаганда и информационные войны в XXI в.: измененные образы и операции по введению в заблуждение»

С. Макдональд [Macdonald, 2007] особое внимание уделяет исследованию *психологических операций* и их целенаправленному использованию в СМИ. Понятие информационно-психологической войны в данной работе получает следующее определение: это использование всех средств коммуникации для распространения или подкрепления конкретных идей, представлений, убеждений с целью реализации политических замыслов субъекта воздействия [Массовое сознание ... , 2017].

В последнее время взаимосвязь менталитета и языка, значимости изменений в языке и угрозы для традиционных ценностей в связи с этими воздействиями глубоко осмысливается в работах философов и политологов. «Основными угрозами цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях являются а) деструктивное воздействие внешних и обусловленных ими внутренних акторов посредством русского языка на цивилизационное самосознание народа, устойчивость социально-политического устройства и цивилизационную ориентацию России; б) воздействие посредством иностранного языка на мнение и волю народов вовне российской цивилизации в целях ее демонизации и оправдания деконструктивной политики по отношению к ней; в) интенсивное убывание численности носителей русского языка в стране и мире [Звездин, 2017, с. 75].

Полагаем, что для психологов обращение к данной проблеме представляет еще большее значение, так как затрагивает глубинные психологические феномены, наполненные экзистенциальными смыслами. Предотвращение угрозы экзистенциальных глобальных рисков, по мнению Н. Бострома, является общественным благом и не может регулироваться рыночными механизмами [Bostrom, 2013]. Менталитет как носитель ценностей, норм, установок, особенностей поведения, непосредственно связанный с национальным языком, всегда обусловлен экономическими, политическими, социальными условиями жизни в историческом контексте. Поэтому, обращаясь к менталитету, мы, с одной стороны, исследуем его глубинные психологические характеристики, которые передаются зачастую на неосознаваемом уровне, а другой – обращаемся к истории его формирования под воздействием общественных преобразований.

Будущее России начнется не завтра, оно уже заложено и определено всем прошлым нашей страны, оно обусловлено нашим языком, нашими ценностями, нашими традициями, оно детерминировано и теми коренными преобразованиями,

которые уже преодолели наши предки, той «исторической памятью», которая отразилась в менталитете народа. Русский язык, являясь языком межнационального общения многих народов России, объединяет российское общество, служит проводником культурного наследия, в связи с чем проблема сохранения, развития, упрочения русского языка остается актуальной и перспективной в социально-гуманитарных науках.

Библиографический список

1. Бернацкая А. А. Отношение к иноязычному слову как фактор языкового сознания // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: к 80-летию проф. А. П. Сковородникова : сборник научных работ / Федеральное агентство по образованию, Сибирский федеральный ун-т ; под ред. Г. А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 60-73.
2. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. Москва : Наука, 1994. 400 с.
3. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. Москва : Прогресс, 1985. 451 с.
4. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.04.2020).
6. Звездин Л. А. Тенденции языковых изменений в российской цивилизации в современных условиях // Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 73-76.
7. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А. М. Арсеньева. Москва : Педагогика, 1982. 706 с.
8. Кольцова В. А. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета / В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5-17.
9. Кропоткин П. А. Русская литература. Идеал и действительность : курс лекций ; пер. с англ. В. Батурицкого. Москва : Век книги, 2003. 317 с.
10. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. Москва : Институт психологии РАН, 2017. 424 с.
11. Марцинковская Т. Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Марцинковская Т. Д. Проблема позитивной социализации в современном мультикультурном мире / Т. Д. Марцинковская, Е. А. Киселева // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 79-89.
13. Нестик Т. А. Психология глобальных рисков / Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев. Москва : Институт психологии РАН, 2018. 402 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
15. Погодин А. Л. Язык как творчество (психологические и социальные основы творчества речи): происхождение языка. Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. 556 с.
16. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание : сборник популярных лингвистических статей. Москва : Федерация, 1931. 181 с.
17. Потеня А. А. Слово и миф / сост., подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова. Москва : Правда, 1989. 622 с.
18. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы : коллективная монография / отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. Москва : Институт психологии РАН, 2018. 448 с.
19. Россия в XXI веке : материалы годового собрания Академии геополитических проблем. Москва : Академия геополитических проблем, 2012. 120 с.
20. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). Москва : URSS, 2010. 248 с.
21. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку : сб. ст. / под ред. и со вступ. сл. О. С. Широкова. Москва : Добросвет, 1997. С. 71-85.
22. Тюленева В. И. Язык Интернета: характеристика, особенности и влияние на речь / В. И. Тюленева, И. А. Шушарина // Вестник Курганского государственного университета. 2018. С. 20-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-interneta-harakteristika-osobennosti-i-vliyanie-na-rech>
23. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. Москва : Флинта: Наука, 2004. 184 с.
24. Хузеева Г. Р. Особенности представлений о повседневности у девушек и женщин в условиях транзитивного общества / Г. Р. Хузеева, М. С. Гусельцева // Психологические исследования. 2019. № 12(63). URL: <http://psystudy.ru>
25. Яницкий О. Н. Переходный период: вызовы и риски // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) : сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 28-30 ноября 2019 г.) / отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. С. 188-193.
26. Bostrom N. Existential risk prevention as global priority // Global Policy. 2013. V. 4. P. 15-31.
27. Macdonald S. Propaganda and information warfare in the twenty-first century: Altered images and deception operations. L.-N. Y. : Routledge, 2007.

Reference list

1. Bernackaja A. A. Otnoshenie k inozazychnomu slovu kak faktor jazykovogo soznaniya = Attitude to a foreign word as a factor of linguistic consciousness // Rechevoe obshhenie i voprosy jekologii russkogo jazyka : k 80-letiju prof. A. P. Skovorodnikova : sbornik nauchnyh rabot / Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Sibirskij federal'nyj un-t ; pod red. G. A. Kopninoj. Krasnojarsk, 2009. S. 60-73.

2. Behterev V. M. Izbrannye raboty po social'noj psichologii = Selected works on social psychology. Moskva : Nauka, 1994. 400 s.
3. Gumbol'dt fon V. Jazyk i filosofija kul'tury = Language and philosophy of culture. Moskva : Progress, 1985. 451 s.
4. Gusel'ceva M. S. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: transformacija cennostej = Identity in transitive society: transforming values // Psihologicheskie issledovanija. 2017. T. 10. № 54. S.5. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 20.04.2020).
5. Dubovskaja E. M. Tranzitivnost' obshchestva kak faktor socializacii lichnosti = Transitivity of society as a factor in the socialization of the individual // Psihologicheskie issledovanija. 2014 T. 7. № 36. S. 7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 19.04.2020).
6. Zvezdin L. A. Tendencii jazykovyh izmenenij v rossijskoj civilizacii v sovremennyh uslovijah = Trends of linguistic changes in Russian civilization in modern conditions // Nauchnaja mysl'. 2017. № 2 (24). S. 73-76.
7. Kapterev P. F. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija = Chosen pedagogical essays / pod red. A. M. Arsen'eva. Moskva : Pedagogika, 1982. 706 s.
8. Kol'cova V. A. Sushhnostnye karakteristiki i faktory formirovanija rossijskogo mentaliteta = Essential characteristics and factors of formation of the Russian mentality / V. A. Kol'cova, A. L. Zhuravlev // Psihologicheskij zhurnal. 2017. T. 38. № 3. S. 5-17.
9. Kropotkin P. A. Russkaja literatura. Ideal i dejstvitel'nost' = Russian literature. Ideal and reality: kurs lekcij ; per. s angl. V. Baturinskogo. Moskva : Vek knigi, 2003. 317 s.
10. Massovoe soznanie i povedenie: Tendencii social'no-psihologicheskikh issledovanij = Mass consciousness and behavior: Trends in socio-psychological research. Moskva : Institut psihologii RAN, 2017. 424 s.
11. Marcinkovskaja T. D. Sovremennaja psihologija – vyzovy tranzitivnosti = Modern psychology – transitivity challenges // Psihologicheskie issledovanija. 2015. T. 8. № 42. S.1. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 20.04.2020).
12. Marcinkovskaja T. D. Problema pozitivnoj socializacii v sovremennom mul'tikul'turnom mire = The problem of positive socialization in the modern multicultural world / T. D. Marcinkovskaja, E. A. Kiseleva // Psihologicheskij zhurnal. 2018. T. 39. № 3. S. 79-89.
13. Nestik T. A. Psihologija global'nyh riskov = Global risk psychology / T. A. Nestik, A. L. Zhuravlev. Moskva : Institut psihologii RAN, 2018. 402 s.
14. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language URL: <https://slovarozhegova.ru/>
15. Pogodin A. L. Jazyk kak tvorcestvo (psihologicheskie i social'nye osnovy tvorcestva rechi): proishozhdenie jazyka = Language as creativity (psychological and social foundations of speech): the origin of language. Moskva : Izd-vo LKI, 2010. 556 s.
16. Polivanov E. D. Za marksistskoe jazykoznanie = For Marxist linguistics: a collection of popular linguistic articles : sbornik populjarnyh lingvisticheskikh statej. Moskva : Federacija, 1931. 181 s.
17. Potebnja A. A. Slovo i mif = Word and myth / sost., podgot. teksta i primech. A. L. Toporkova. Moskva : Pravda, 1989. 622 s.
18. Psihologicheskie issledovanija global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy = Psychological research of global processes: prerequisites, trends, perspectives: collective monograph : kollektivnaja monografija / otv. red. A. L. Zhuravlev, D. A. Kitova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2018. 448 s.
19. Rossija v HHI veke : materialy godovogo sobranija Akademii geopoliticheskikh problem = Russia in the XXI century: materials of the annual meeting of the Academy of Geopolitical Problems. Moskva : Akademija geopoliticheskikh problem, 2012. 120 s.
20. Selishhev A. M. Jazyk revoljucionnoj jepohi. Iz nabljudenij nad russkim jazykom (1917-1926) = The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language (1917-1926). Moskva : URSS, 2010. 248 s.
21. Trubeckoj N. S. Ob istinnom i lozhnom nacionalizme = About true and false nationalism // Ishod k Vostoku : sb. st. / pod red. i so vstup. sl. O. S. Shirokova. Moskva : Dobrosvet, 1997. S. 71-85.
22. Tjuleneva V. I. Jazyk Interneta: karakteristika, osobennosti i vlijanie na rech' = Internet language: characteristics, features and impact on speech / V. I. Tjuleneva, I. A. Shusharina // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. S. 20-25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-interneta-harakteristika-osobennosti-i-vliyanie-na-rech>
23. Hrolenko A. T. Osnovy lingvokul'turologii = Basics of linguoculturology. Moskva : Flinta: Nauka, 2004. 184 s.
24. Huzeeva G. R. Osobennosti predstavlenij o povsednevnosti u devushek i zhenshin v uslovijah tranzitivnogo obshchestva = Characteristics of the daily life of girls and women in a transitive society / G. R. Huzeeva, M. S. Gusel'ceva // Psihologicheskie issledovanija. 2019. № 12(63). URL: <http://psystudy.ru>
25. Janickij O. N. Perehodnyj period: vyzovy i riski = Transition period: challenges and risks // Budushhee sociologicheskogo znaniya i vyzovy social'nyh transformacij (k 90-letiju so dnja rozhdenija V. A. Jadova) : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 28-30 nojabrja 2019 g.) / otv. red. M. K. Gorshkov ; FNISC RAN. Moskva : FNISC RAN, 2019. C 188-193.
26. Bostrom N. Existential risk prevention as global priority // Global Policy. 2013. V. 4. P. 15-31.
27. Macdonald S. Propaganda and information warfare in the twenty-first century: Altered images and deception operations. L.-N. Y. : Routledge, 2007.